

Ирина Полянская

КАК ТРУДНО ОТОРВАТЬСЯ ОТ ЗЕРКАЛ...

Роман
Рассказы

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84-4(2Рос=Рус)

П54

*Издание осуществлено при поддержке Минкультуры РФ
и Союза российских писателей*

Полянская. И.Н.

п54 Как трудно оторваться от зеркал... : роман, рассказы / Ирина Полянская; послесловие А. Латыниной. – М. : РИПОЛ-классик / Т8 RUGRAM. – 460 с.

ISBN 978-5-519-65950-5

В книгу известной писательницы Ирины Полянской (1952–2004) вошли лучшие рассказы и ранее не издававшийся роман «Как трудно оторваться от зеркал...». Признанная романистка и рассказчица, Ирина Полянская получила актёрское и литературное образование, работала аккомпаниатором, актрисой, санитаркой в травматологии, корреспондентом в газете, редактором в журналах. В конце 80-х входила в группу молодых писательниц «Новые амазонки», причисленную критикой к идейно-эстетическому течению «новой женской прозы» в современной русской литературе.

Роман «Как трудно оторваться от зеркал...» посвящён первой любви и во многом автобиографичен. «Внутренняя жизнь одарённой девушки-подростка становится предметом пристального внимания. В запутанных отношениях девочек и мальчиков, строящихся на нюансах, в детских интригах, разрывах и дружбах, проглядывает целая гамма чувств, создаётся напряжение духовной жизни героини.

Это и традиционная психологическая проза, восходящая не столько к Толстому, сколько к Прусту, это и современная импрессионистская проза, впитавшая в себя опыт всего XX века. Личная мелодия – вот что отличает всё написанное Ириной Полянской. Она может звучать сильно и мощно, как в многоплановых полифонических вещах, и может звучать тихо, мерцающе-нежно, как в последнем, прощальном романе талантливой, безвременно умершей писательницы». (Алла Латынина)

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4(2Рос=Рус)
VIS FA
BISAC FIC000000

Художественное оформление Евгении Аленушкиной

ISBN 978-5-519-65950-5

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Полянская И. Н., наследники, 2019

РАССКАЗЫ

БЕДНОЕ СЕРДЦЕ МАНИ

то и дело стучит всеми своими створками и ставнями, и в него, как птицы — то как голуби, то как вороны — влетают мальчики и мужчины; иногда влетают как голуби, а отлетают как вороны, иногда сталкиваются, так что пух и перья летят, и высоко над Маниной головой выются в небе кудрявые облака. Должно быть, сердце Мани не просто сердце, которое толчками посылает кровь по всему телу, временами оно переполняет Маню, стук его отдаётся в кончиках ногтей, в случайно оброненной чужим окном мелодии, гул его заглушает настойчивый звук улицы, вкрадчивые шаги уходящей молодости. Маня, сквозь сердце которой вечные птицы любви осуществляют свой перелет, ничего не помнит, занятая заботой свивания гнезда внутри своей мечты, забывает поспать, так что где-то на улице, в сквере вдруг опустится на скамейку от слабости или, прибирая свой дом, падет на кровать, точно замертво, и на пару часов выходит из собственного сердца, как водолаз из батисферы, и медленно отплывает от него, огибая потонувшие суда. Но вот телефонный звонок крючком за губу выдергивает ее из сна: она летит на золотой благовест босая, хватая трубку, и лицо ее гаснет, точно вместо ожидаемой «каста дивы» она слышит «Последние известия», хотя это с ней говорю я, ее все-таки подруга. Услышав Манин взметнувшийся и тут же погасший голос, я догадываюсь, что она опять полюбила, что сердце в ней выросло, как на дрожжах, оно стоит у нее в горле и потому ее речь глуха и невнятна. «Да, спасибо, — роняет Маня нетерпеливо. — Нет, спасибо. Ой да ладно, я все помню!» — отвечает она, когда я напоминаю ей о работе, что она затягивает сроки и ее могут запросто шугануть из нашей конторы. И Маня с некоторой безразличностью торопливо кладет трубку.

Она уже знает: как бы тело ни припало к телу всем распластанным существом кожи, каждой ненасытной ее порой, что-нибудь да останется снаружи, на поверхности, и душа не перетечет в родную душу свободно, как река в реку, стало быть, их совсем надо лишиться, тел, и тогда любовь наконец осуществится. Сердце ее превратилось в один разверстый, оставившийся взгляд, который, напрягшись всеми своими калейдоскопическими смотрящими, все равно не может проникнуть внутрь другого сердца. Ощетинившаяся тьма смотрит ей в лицо — мертвый, фосфорический блеск телефона. Счастье и несчастье, два одновременных, одинаковых по силе чувства, раскачивают сердце, как качели, и ее сотрясает озноб. «Виталья, Виталья!» — зовет она со всей силой сплотившегося, слившегося в душе счастья и несчастья, не может быть, чтобы там, в своей темноте, он сейчас не вскочил как ужаленный. Жизнь в единый миг переправилась на другой берег и оттуда смотрит на нее с укоризной. Что Мане ее укоризна! Что все люди, вместе взятые! Она вчера на сон грядущий, как чудную книгу, читала его! Но сейчас все, что она только любила на свете, сейчас все отвернулось от нее в тяжкие минуты ожидания, которые она передвигает одну за другой, как шкафы, все отвернулось от нее в это уплетающее ее за обе щеки прожорливое время: из книг, например, повысыпались буквы и лежат горой, как мусор. Она как в бреду видит Виталия. Глаза его — как два оленя, пьющие из родника, из ее ускользящего, бесовского взгляда. Отдам весь восторг земли и всю кровь зари небесной... И тогда раздается оглушительный звон: судьба, видать, приняла ее жертву. Маня делает стремительное движение к телефону, над которым встает заря, и райские птицы кружат над трубкой. Голос Виталия течет, как река, и баюкает Маню, как солнце, ветер и орел. В эту минуту, в минуту прерывистого, полного лукавой игры и суматошного волнения разговора, она так счастлива, точно бог послал все лучи радости из своей длани на ее душу.

— Ты думала обо мне?

— Нет, я спала, — честно признается Маня.

— И не думала обо мне, когда спала?

Голос его пронзает Маню, как ток, но она отвечает:

— Нет, мне даже ничего не снилось.

— А вчера говорила, что, даже если умрешь, все равно будешь меня помнить.

Маня с блаженной улыбкой отвечает:

— Значит, мой сон был глубже смерти.

— Вот и верь после этого вашей сестре, — наступает Виталий. Он, как и все мы, любитель помучить человека, посмотреть, как он дергается.

— Виталий, не верь нашим сестрам, верь мне одной, — на одном дыхании отвечает Маня. — Виталья, приходи ко мне жить, хочешь — на сколько хочешь, хочешь — навсегда.

— Быстро же ты, Маня, соглашаешься, чтобы я пришел «на сколько хочешь»... А дальше... ты знаешь, что бывает дальше!

Маня не знает, не помнит об этом. Она сейчас как новорожденная, родилась на этот свет неделю назад, когда шла, едва волоча ноги, по улице, вдоль по Питерской, за дребезжащими дорогами своей последней любви. В глазах ее стояла картина: Толя и его жена на своем балконе развешивают детское белье, точно нет никакой Мани и в помине. Толя давно уже шипел в трубку: «Ты что, спятила, другого времени выбрать не можешь?» А для Мани не было другого времени, как и другой жизни, она то и дело забывала про всякие премудрости вроде того, что Толя женат. И вот она брела, тусклая, погасшая, шаркая кроссовками, ссутулившись над своим болящим сердцем, и тут ее остановил паренек. «Девочка, закурить не найдется?» — с развязной ухмылкой поинтересовался он. А Маня — она всегда бросалась на борьбу с препятствиями, то есть, если видела перед собой циника, тут же начинала вести борьбу за светлое воскресение его души, тут же шла на приступ чужой крепости, имея оружием лишь одно свое легко воспламеняю-

щееся сердце и диковатые глаза, горящие из-под длинной черной челки, как шеломы залегшей рати сквозь вереск и камыш. У Мани нашлось закурить, и дальше... дальше для нас все скучно, не пойдем с ними, ибо знаем этот маршрут наизусть; для Мани же все началось снова, снова раскрылся, как перед князем Гвидоном, чудный город, по которому они столько раз бродили вдвоем, а когда шла одна, случалось, это было тяжело, будто брела она с вывихнутой рукой.

— Ты меня любишь?

— Да. — Сказал, как отрезал.

Она не помнила, что эту же самую березку, растущую на выступе Донского монастыря, увидела она две любви тому назад вместе с Эндрю, американцем из штата Иллинойс, натаскивающимся с ней в русском языке, и не только в нем одном, что вот так же она сидела, положив голову на плечо Валерика, любовь тому назад, посмеиваясь над аляповатой афишкой кинотеатра напротив скамейки. Когда Виталий взял ее за крохотную ладонь и осторожно стал дуть на нее, то ли отогревая, то ли раздувая линию любви, у Мани чуть ноги не отнялись от нежности к нему, она не помнила, что много любостей тому назад так же благоговейно грел ей руки армянин Рубик, который не так давно умер от болезни крови, так и не забыв Маню. Ничего не помнила она. Женщина, стоявшая три часа тому назад под чужим балконом, погасшая, сутулая, с обуглившимся лицом, ничего общего не имела с этой легкой девчонкой, у которой все развевалось, жило и блистало: волосы, болоньевая куртка, руки. И нежность Мани так огромна, что она может растопить арктические льды, глаза ее горят, как бесчисленные звезды на черном небе, и космос разворачивается из крохотной почки ее человеческого сердца, как музыка вырастает из гаммы, и счастье кипит в ней, как ветер в вишневой белой кроне.

А Виталий вырастает в собственных глазах, думая, что это он своими собственными руками изваял из унылого куска глины прекрасную женщину; как Бог, он чувствует себя молодым

богом, не подозревая, что на самом деле его существо для Мани только повод, просто по случайности он совсем близко подошел со своей зажигалкой к высушенной на безлюбье соломе, и она горит, горит теперь, как купина неопалимая, можно руки погреть, можно рядом пригреться: с трудом занимается недоверчивым, дымным огнем его сырое сердце. Они путешествуют по Москве, странствуют по звездам. И вдруг звонок ржавым гвоздем царапает слух, отверстый для музыки сфер, для младенческого лепета любви: «Чего, не узнала? Спишь, что ли?» Это Толя. «Что молчишь?» Маня вовсе не думает злорадно: спохватился, голубчик. Это голос с другой планеты. Это запах позавчерашнего прокисшего борща, который Маня сварила для Толика, да запамятовала поставить в холодильник. Толя — пустой, мертвый звук, оболочка. Скучный позавчерашний голос. Маня удивлена: что ему надо? Она так прямо и спрашивает: «Что тебе надо?» Толя, фыркнув, не может ответить, однако, прямо: тела, мол, твоего. Вокруг его ответа нагромождается хаос взволнованных слов, ибо он тоже, стоя у себя на Вавилова, почуял запах прокисшего борща. Тело Мани улетело, оно теперь небесное тело. Виталья приподнимается на локте и сквозь свои длинные, спутанные волосы смотрит на Маню. Маня смотрит на Виталю и забывает ответить Толе, что тело, в общем-то, улетело, что у нее теперь новое тело и в сердце чисто, как в Божьем храме.

Она машинально опускает трубку, потом вырывает из розетки телефонный шнур, не думая о том, что Толя... Толя, если недокушал, другим куском своего законного ни за что не отдаст, из горла вырвет, но не отдаст, а уж потом может этот кусок брезгливо выбросить. Но это других он может дожевывать, других, не Маню, которая, собственно, уже не Маня, Мани не существует. И ей в голову даже не приходит простая картина: Толя, ментально почуяв опасность, сварливым голосом требует у жены десятку, понимая, что Маня что-то закапризничала, тут просто бутылкой не обойдешься, нужен жест, что-то вроде буке-

та роз, именно роз, и жена грустно выдает купюру. Ступени мелькают под его большими ступнями, как страницы романа, в конце которого героиня не умрет, а, увы, поправится. Вот розы, они уже гаснут в целлофане, хоть на лепестках их блестит жюльническая слеза. Толя представляет, как вручит Мане букет, а потом — как обнимет ее! Куда она денется, чуть не с нежностью думает он, она ж такая отзывчивая, чудо! Толя, как молодой, на ходу запрыгивает в автобус; Маня называет его «мой мальчишечка» и не видит плешу на его голове, и правильно, что не видишь, Маня, надо зреть в корень — Толя ухмыляется пришедшему на ум каламбуру, услышав который Маня бы, наверно, сказала: «Фу», — потому что для нее корневая сторона дела второстепенна, над ней шумит и шумит зеленая крона, пока Толя делает свое коренное дело. Дурочка-девочка, хотя бабе уже двадцать девять, но все равно еще девочка, лепечет себе, что дитя малое, — это до того Толе кажется, что она лепечет, а после — сюсюкает баба.

Толя едет в автобусе, приплясывая на задней площадке от нетерпения, а Маня летит вместе с Виталием в метро, потом на автобусе в Архангельское. И опять она не помнит о том, что всех хозяев своего сердца, своих гостей, она то и дело возит сюда, как экскурсовод на экскурсию. Из них и в самом деле вышла бы интересная, благодарная группа. Где-то даже интернациональная. Дружба народов на почве Мани. Всех... из детских лет не забыть прихватить одноклассника, не выговаривавшего «р», одного солдатика, одного матросика, одного югослава, строившего на Маниной родине какой-то комбинат, комсомольского работника Женю, который горел на работе, отчего карьеры не сделал, преподавателя культпросветучилища, обаятельного, но унылого душой знатока поэзии, но не жизни, дельтапланериста Роберта, к которому Маня долго ходила в больницу, а как только Роберт встал на ноги, умчалась от него в Москву, одного, как она сама, лимитчика, однокурсника по пединституту, рок-звезду, на него вешались такие девочки, а он нежно любил одну Манию, армяни-